

— Не знаешь когда, — Айдымэн немного пришёл в себя и, проследив за взглядом Лу Цзюэ, посмотрел на того самого бету, который сейчас с блаженным видом витал где-то в облаках, — а ведь ему всего девятнадцать, если верить его словам. Когда я только встретил его, он был щуплым пареньком с жировой массой в 73 килограмма, угодившим за решетку за изнасилование и убийство.

Слышал, перед самым арестом он уколошил какого-то омегу в период течки. Альфа того омеги обладал кое-какой властью, вот и закинул паренька сюда... Впрочем, оно и понятно: кто же захочет, чтобы купленная за бешеные деньги роскошная вещь вот так запросто погибла от рук какого-то наглеца.

Омега — это роскошная вещь? — услышав это, Лу Цзюэ невольно задал вопрос вслух.

Да ты шутишь, — услышав такое, Айдымэн уставился на Лу Цзюэ так, будто увидел пришельца. Впрочем, Лу Цзюэ уже успел заметить, что его сосед по блоку — судя по всему, страшный болтун. — Редкая разновидность людей, составляющая всего один процент от общего населения. На самом деле из-за слабого здоровья они крайне уязвимы к нападениям, а их периоды течки случаются гораздо реже официальных цифр. Рождение каждого омеги регистрируется властями: под видом защиты их фактически содержат в неволе и продают всяким высокопоставленным чиновникам и богачам.

Конечно, я всё это знаю, — Лу Цзюэ попытался небрежно сгладить собственную оплошность и словно в шутку поинтересовался: — Как думаешь, что будет, если в один прекрасный день в эту тюрьму забредет омега?

Да ты бредишь, — усмехнулся Айдымэн. — Но его, наверное, разорвали бы на куски все альфы в тюрьме. Хотя... может, он стал бы их королевой?

Сказав это, Айдымэн и сам почувствовал, что несёт чушь, и поднялся, направляясь к конвейерной линии, где уже скопилось немало работы.

И правда, я сейчас только и делаю, что брежжусь, — тихо, едва слышно произнес Лу Цзюэ, следуя по пятам за соседом и бросив на прощание последний взгляд на бету, который продолжал глупо улыбаться, погруженный в сладкие грезы.

Магазин — до периода течки осталось 30 дней

Ранним утром, при тусклом свете, Лу Цзюэ стоял перед зеркалом у умывальника и приводил в порядок волосы.

Вчера ему повезло: он успел закончить работу до начала комендантского часа, и заработная плата в размере восьми тюремных монет упала на его наручные часы еще до полуночи.

Плата за проживание в камере составляла две тюремные монеты в день, одна базовая питательная смесь заменяла полноценный обед, а если прибавить к этому еще тридцать монет ежемесячной дани, которую следовало сдавать заключенным с верхних ярусов, то в сухом остатке зарплаты прачечной едва хватало на покрытие базовых расходов.

Лу Цзюэ был слегка удручен. Он уставился на собственные черные кожаные туфли. Прежний хозяин тела до того, как его подставили и обвинили в убийстве, был вполне обеспеченным мажором. Родители его умерли рано, а более далекие воспоминания стерлись и казались туманными. Единственное, что знал Лу Цзюэ: этот домосед, унаследовавший огромное состояние и ненавидевший выходить из дома, был законченным затворником.

Хотя после ареста его одежду сменили на черно-белую полосатую робу, отменять обувь никто не требовал. И пусть кожаные туфли мажора были мягкими и сидели на ноге удобно, Лу Цзюэ куда больше хотел бы раздобыть домашние тапки — это избавило бы его от необходимости стирать носки.

Температура на космической станции неизменно держалась на отметке в двадцать два градуса тепла, так что в тапках вовсе не было бы холодно. Вот только продаются ли тапки в тюремном магазине — загадка. Лу Цзюэ дернул себя за воротник тюремной робы, размышляя о том, не сходить ли после смены в душевую. Впрочем, даже если в магазине найдутся тапки, цены на них окажутся явно не по карману человеку с его нынешним кошельком.

Придется придумать, как заработать побольше тюремных монет, чтобы хоть немного улучшить качество жизни.

Однако куда более серьезной проблемой была та самая легендарная течка. Осталось всего тридцать дней, и до истечения этого срока он обязан раздобыть Ингибитор для омег здесь, где девяносто процентов населения — альфы. Подумав об этом, он пришел к выводу, что проще, пожалуй, совершить побег.

Вчера он специально расспросил Айдымэна об этой тюрьме и получил донельзя удручающий ответ. К несчастью, звездная система, в которой дрейфовала космическая станция, относилась к ведению Федеральной военной академии. Если какому-нибудь умалишенному преступнику взбредет в голову захватить станцию или попытаться сбежать на любом космическом корабле, то перед самым пространственным прыжком он на собственном опыте во всех красках уяснит, что мехи — это подлинная романтика настоящих мужчин.

Будучи ведущим учебным заведением всей Федерации и заветной мечтой каждого федерального солдата, это место располагало самыми элитными войсками и пилотами мехов. Звездная система, где находилась Первая федеральная тюрьма, издавна служила полигоном для курсантов Федеральной военной академии, а потому процент успешных побегов отсюда равнялся нулю со дня основания академии.

Судя по всему, если в течение тридцати дней он не раздобудет Ингибитор для омег, исход будет столь же безрадостным.

Лу Цзюэ чувствовал, что от таких забот он скоро полностью облысеет.

Стрелки на часах перешагнули отметку в пять часов утра. Бросив взгляд на кровати двух соседей, которые, судя по всему, еще спали, Лу Цзюэ вышел из камеры.

Рабочий день в прачечной начинался в девять утра, так что у него было целых четыре часа, чтобы заглянуть в столовую и магазин, прикупить питательную смесь и кое-какие предметы первой необходимости.

Ранним утром во всей тюрьме стояла тишина. Не успел он войти в столовую, как воочию наблюдал, как несколько роботов втащили через входной шлюз тела погибших за пределами станции и поволокли их в сторону прачечной.

В этом заключалось главное правило тюрьмы: после наступления ночного комендантского часа любые живые существа, оставшиеся за пределами камер, изгонялись за пределы станции, чтобы на следующий день стать добычей уборочных роботов.

Времени было предостаточно, до завтрака в столовой оставалось еще далеко. Поглядев на

ярко-красную цифру 14 на циферблате, Лу Цзюэ немного подумал и решил все же попытать счастья в магазине.

Магазин располагался в дальнем углу космической станции и, в отличие от столовой, где трехразовое питание выдавалось строго по расписанию, открывался очень рано. Ассортимент товаров поражал воображение, но за исключением простейших туалетных принадлежностей и бытовых мелочей, цены на все остальное заставляли отступить в ужасе. Впрочем, даже обычные товары стоили баснословно дорого.

В силу определенных обстоятельств Лу Цзюэ быстро пролистал каталог до медицинского раздела и, вполне ожидаемо, во второй строчке обнаружил альфа-ингибитор. Пять нулей на конце красноречиво говорили о его стоимости, хотя Лу Цзюэ сомневался, что в этой тюрьме найдется хоть один альфа, способный позволить себе такую покупку.

Цены на медицинские препараты достигали безумных высот, и даже самый дешевый антибиотик стоил четырехзначную сумму. Очевидно, те, кто устанавливал эти расценки, вовсе не рассчитывали на то, что в тюрьме выживет много заключенных.

После победы человечества в войне с Расой жуков рождаемость взорвалась невиданным ростом. За долгие годы противостояния с жуками человечество разделилось на три гендера: омеги, альфы и беты. Репродуктивные способности бет не отличались от таковых у обычных людей из прошлого мира Лу Цзюэ, тогда как омеги и альфы обладали поистине чудовищной плодовитостью — взрослые омеги практически всю жизнь, начиная с наступления первого периода течки, проводили в чередѣ беременностей и родов.

Именно поэтому к текущему моменту численность населения одной только Федерации достигла ста двадцати миллиардов человек.

Столь колоссальное число жителей влекло за собой ошеломляющий уровень преступности, а потому каждые десять дней сюда прибывал корабль, доставлявший не только припасы, но и новую партию преступников, получивших по несколько пожизненных сроков.

Федеральные законы воспевали права человека, так что смертная казнь здесь отсутствовала как класс, хотя отправка в эту тюрьму фактически означала свидание с Мрачным Жнецом. Прежний хозяин тела Лу Цзюэ был приговорен к трем пожизненным срокам. По мере эволюции и развития человечества средняя продолжительность жизни людей приблизилась к трем ста годам, а долгожители, перешагнувшие пятивековой рубеж, перестали быть персонажами из сказок.

Если судить по законам этого мира, двадцатилетний Лу Цзюэ только-только вступил в пору юности, и от одной этой мысли у него начинало нутить в паху.

Потратив четыре тюремные монеты, Лу Цзюэ приобрел флакон ополаскивателя для рта. Тапки стоили пятьдесят монет — их можно было насобирать понемногу, если, конечно, у него вообще будет на это время.

Выйдя из магазина, Лу Цзюэ по пути мимо фабрики бросил взгляд внутрь. В огромном цехе, заполненном клубами пыли, тощие, изнуренные люди в ознобе копались в горах минеральных отходов, выковыривая оттуда так называемый порошок чудодейственной руды. Многие даже не утруждали себя сбором: они падали прямо у механизмов и жадно вдыхали испарения, а следом к заводу непрерывным потоком бежали новые безумцы.

Минеральный порошок — до периода течки осталось 30 дней

Воспользовавшись царившей суматохой, Лу Цзюэ заприметил крошечную щепотку порошка, оставшегося после переработки кристаллической руды, и незаметно сгрел ее себе. Поскольку все находившиеся на заводе — и беты, и альфы — были погружены в собственные галлюцинации и не обращали внимания на окружающий мир, его мелкая кража осталась совершенно незамеченной.

Порошок оказался мелкозернистым, наощупь напоминающим шелковистую муку, так что проглотить его вряд ли составило бы труда. Лу Цзюэ бережно спрятал сверток. Вчера Айдымэн вкратце обмолвился об этой дряни, и все оказалось примерно так, как Лу Цзюэ и предполагал: минеральный порошок действовал точь-в-точь как наркотики в его прежнем мире.

Он точно так же воздействовал на нервную систему и вызывал сильнейшую зависимость. Разница заключалась лишь в том, что в уродливых реалиях этой тюрьмы порошок был самым дешевым и легкодоступным товаром.

Кристаллическая руда таила в себе колоссальную радиацию, и кратковременный контакт с ней в малых дозах не угрожал здоровью, однако долгое или обильное воздействие влекло за собой тяжелейшие последствия. Хотя перед отправкой на переработку руду подвергали предварительной дезактивации, счищая самый радиоактивный поверхностный слой, радиационного заряда, таившегося внутри камня размером с кулак, с лихвой хватило бы, чтобы подорвать здоровье взрослого человека.

Плотность руды была невысокой, но чистейший кристаллический камень отличался невероятной плотностью и чудовищной твердостью. После первичного очищения и кропотливого рафинирования из глыбы размером с таз в итоге удавалось получить лишь полупрозрачный кристалл размером с ногтевую пластину. Шлаки же, чей уровень радиации в процессе очистки удавалось лишь слегка снизить, превращались в заветную святыню, ради которой сходила с ума добрая десятая часть населения тюрьмы. Эта десятая часть людей была обречена стать лишь товаром для прачечной.

Возможно, это были Альфы, чье здоровье было окончательно подорвано долгими годами шахтерской жизни, махнувшие на себя рукой и пустившие все на самотек, или Беты, чувствовавшие себя полнейшим дном этой тюрьмы, не видевшие просвета в жизни и предававшиеся пьянству и разврату. Самой заметной чертой таких людей были расширенные зрачки, исхудавшие до состояния ходячих скелетов тела, сильное выпадение волос и периодические судороги. С того момента, как они подсаживались на шахтную пыль, потребность в ней возрастала до тех пор, пока в один прекрасный день они внезапно не умирали от сердечного приступа или полиорганной недостаточности. Разумеется, самым вероятным исходом была смерть от рака.

Если бы в этот момент Лу Цзюэ не застрял в теле злосчастного омеги или если бы хотя бы период течки отложился на несколько месяцев, он бы с удовольствием досконально изучил эту вызвавшую у него интерес безделицу и залежи кристаллической руды, таящие в себе колоссальную энергию. Но, к сожалению, этот план пока приходилось отложить.

Лу Цзюэ вовсе не считал, что не сможет разобраться с проблемой ингибитора. Ему требовалось лишь побольше информации и капля решимости, чтобы преодолеть эту небольшую трудность.

Сегодня работа в прачечной шла как по маслу — вероятно, из-за вчерашнего опыта,

переросшего в навык. Глядя на простыни и одежду, требовавшие наложения цензуры, Лу Цзюэ даже не менялся в лице, методично сортируя их.

Трупов сегодня было немного, и только к вечеру Лу Цзюэ добрался до двенадцатого по счету. Однако, когда он поднял пилу, собираясь отпилить покойнику голову, его взгляд невольно упал на лицо мертвеца, и он замер. Он знал этого человека.

Еще вчера утром он наступил на руку этому бедолаге, торчавшую из проема двери в тюремный коридор.

Впрочем, Лу Цзюэ, скрытый за защитной маской, помедлил всего секунду, а затем снова вскинул пилу и принялся за работу. Движения его были небрежными, брызги крови падали прямо на него, но он не обращал на это внимания, напоминая нерадивого сотрудника бойни. Впрочем, в реальности происходящее походило скорее на сцену из кровавого фильма ужасов.

У трупа отсутствовала правая рука, вместе с которой, судя по всему, пропали и часы на запястье. Сняв с тела электронную бомбу и сдав ее роботу-утилизатору, Лу Цзюэ немного поволновался, но робот не стал чинить ему препятствий.

В пять часов вечера Лу Цзюэ вместе с Айдымэном закончил дневную смену. Наконец-то у него появилось время принять горячий душ в общей душевой.

Ду Ютэ — до периода течки осталось 30 дней.

Вода в душевой подавалась с пяти до девяти утра и с пяти до восьми вечера.

Прихватив сменный комплект одежды, Лу Цзюэ вместе с Айдымэном направился по коридору в сторону бань.

Хотя эта планета не годилась для жизни, она обладала богатыми запасами подземных вод. Пить их было нельзя, но после простейшей фильтрации и обработки они вполне годились в качестве циркулирующей воды для мытья.

В столовой ежедневно выдавали по две чашки питьевой воды объемом по пятьсот миллилитров. Все остальное приходилось покупать за тюремные монеты. Цена была вполне божеской — литр воды за одну монету, тогда как техническая вода для душа предоставлялась бесплатно. Впрочем, по словам Айдымэна, им еще повезло. Как рассказывали старирожилы, на прошлой шахтерской планете из-за острой нехватки воды заключенные годами не могли помыться, а питьевая вода стоила баснословных денег, и многие, не имея возможности заплатить тюремные монеты, были вынуждены покупать очищенную техническую воду.

Лу Цзюэ мысленно представил себе такую жизнь и тут же подумал, что его удача, судя по всему, не опустилась до совсем уж жуткого уровня — с научной точки зрения это было просто

необъяснимо. При нынешних темпах разработки кристаллической руды на этой планете хватит еще по меньшей мере на сорок лет. Поразмыслив об этом, Лу Цзюэ даже почувствовал себя немного счастливым.

Едва эта мысль мелькнула в голове, как Лу Цзюэ мысленно закатил глаза на самого себя: если жизнь была закоренелым садистом, то он, пожалуй, стремительно превращался в мазохиста. Умудриться почувствовать крошечное зернышко счастья в столь ужасных условиях! С этими мыслями Лу Цзюэ сжимал в руке кусок мыла и полотенце.

Полотенце было потрепанным, серым, таким грязным, что первоначальный цвет угадать не получалось. Его прежний хозяин, должно быть, к этому моменту уже был превращен в фарш и отправлен на удобрения для огородного сектора космической станции.

Единственным плюсом работы в прачечной было то, что вещи покойных автоматически записывались в мусор. Если за ними никто не обращался, станция отправляла их на общую переработку или уничтожение. И хотя к моменту прибытия в прачечную пожитки мертвецов уже успевали основательно почистить мародеры, всегда оставалась пара-тройка пригодных к использованию грязных лохмотьев. Например, полотенце в руке Лу Цзюэ или потрепанные тапочки на его ногах, которые Айдымэн из дружеских побуждений помог сшить и склеить с помощью ниток и клея.

Хотя выглядел он теперь сущим бродягой, Лу Цзюэ был доволен: не нужно было носить носки и тратить время на их стирку — это само по себе прекрасно.

Обещанный Мэйэром набор для новичков Лу Цзюэ тоже выкупил: комплект новой робы обошелся в одну тюремную монету. Разумеется, в дальнейшем за покупку одежды пришлось бы выкладывать уже по несколько десятков монет, а роба была самым дешевым из всего ассортимента. Одежда стоила дорого: даже та мятая рубашка, что была надета на Мэйэре, потребовала бы от Лу Цзюэ пахать в прачечной полмесяца без продыха, питаясь одной лишь базовой питательной смесью, не говоря уже о тяжелых пальто, которые так часто приходилось вручную стирать в прачечной.

Качество робы оказалось отличным, покроем — разумным, носить ее было удобно, и она не стесняла движений. Однако, проведя в тюрьме два дня, Лу Цзюэ заметил, что в робах ходит не так уж много людей, причем по большей части это были Беты или совсем новенькие заключенные. Даже Айдымэн, стоило ему закончить работу, переодевался в серую рубашку из откровенно паршивой ткани, которая не шла ни в какое сравнение с тюремной робой, и дорожил ею невероятно, что казалось Лу Цзюэ странным.

Впрочем, как бы странно это ни выглядело, расспрашивать он не стал. Точно так же, как вчера, когда Айдымэн предупредил его, что для нормальной жизни в этой тюрьме к концу каждого месяца необходимо собрать тридцать тюремных монет в качестве дани, но не стал уточнять, кому именно ее отдавать — Лу Цзюэ предпочел не допытываться. Ему вовсе не улыбалось раньше времени забивать себе голову лишними проблемами.

В коридорах сновало множество заключенных: как раз заканчивалась вечерняя смена, и шахтеры-Альфы постепенно возвращались назад. Лу Цзюэ, опустив голову и стараясь казаться как можно более незаметным, шел с Айдымэном к бане. Альф, спешивших помыться, вокруг становилось все больше. Лу Цзюэ крепче сжал в ладони кусок мыла — он уже отчетливо представлял, какая давка ожидает их в душевой.

Однако дойти до бани они не успели. Впереди, метрах в нескольких, собралась большая толпа. Сделав еще пару шагов, Лу Цзюэ увидел сцену потасовки — или, скорее, избиения, в котором участвовал лишь один человек, методично калечивший двоих.

Это одностороннее избиение уже подходило к концу. Помимо двух Альф, лежавших в лужах крови с разбитыми до неузнаваемости лицами, посреди коридора стоял высокий красивый мужчина в черной кожаной кутке, на которого были устремлены взгляды абсолютно всех присутствующих.

Ду Ютэ, — механически пробормотал Айдымэн, и в его голосе проскользнули нотки паники.

Мужчина наступил ногой на вмятое лицо одного из поверженных Альф, и тот издал жуткий, пронзительный вопль.

— Мусор, — процедил мужчина.

Усилив нажим, он буквально раздавил человеку череп. Брызги крови, куски плоти и белесая мозговая масса разлетелись во все стороны, испачкав красивые темно-зеленые армейские сапоги мужчины.

Убрав ногу, мужчина зашагал в сторону Лу Цзюэ и Айдымэна.

Один из глазных яблок, выкатившихся из размозженной головы, покатился прямо к ногам Лу Цзюэ. Тот уставился на этот круглый шарик, не испытывая особого отвращения — впрочем, не будь за плечами двух дней непрерывной возни с трупами, он вряд ли смог бы сохранить такое хладнокровие.

Мужчина уже поравнялся с ними. Заметив, что Лу Цзюэ все еще заворуженно смотрит по сторонам, Айдымэн испуганно дернул его за руку, оттаскивая в сторону и освобождая дорогу этой ходячей катастрофе.

Лишь когда они разминулись с незнакомцем, Лу Цзюэ украдкой бросил взгляд на излучавшую жуткое давление фигуру. Мужчина был необычайно высок. До перемещения в этот мир рост Лу Цзюэ составлял сто восемьдесят четыре сантиметра, и после переноса ничего не изменилось. Такой рост даже среди Бет считался редкостью, благодаря чему никто и никогда не сомневался в истинном поле прежнего владельца тела. Но сейчас этот мужчина по имени Ду Ютэ возвышался над ним по меньшей мере сантиметров на десять.

На вид Ду Ютэ было чуть за двадцать: резкие черты лица, мощная аура подавления, поджарое, лишённое лишнего веса, но полное дикой, взрывной силы тело. Его пронзительные, холодные и острые, как у ястреба, глаза отливали синевой, а платиново-белые волосы были зачесаны назад, открывая чистый лоб с парой упавших на него прядей. Чуть приподнятый подбородок выдавал в нем высокомерного и жестокого человека.

Когда Ду Ютэ скрылся из виду, коридор, погрузившийся в гробовую тишину, снова начал оживать. Айдымэн, все это время не выпускавший мышцы из напряжения, постепенно расслабился. Проводив взглядом удаляющуюся фигуру Ду Ютэ, он со сложным выражением в глазах произнес:

— Это Ду Ютэ, староста блока третьего сектора. Буйный нрав, люто ненавидит таких низших Бет, как мы, махровый шовинист. Больше не пялись на него так.

— Староста блока третьего сектора? — механически переспросил новое понятие Лу Цзюэ.

— Если тебе повезет выжить, сам узнаешь, что это значит.

Айдымэн выглядел донельзя уставшим и, судя по всему, продолжать разговор не планировал. Он зашагал дальше, к душевой.

Примечание: Ду Ютэ — не пара для Лу Цзюэ.

Душевая — до периода течки осталось 30 дней.

Душевая оказалась небольшой: с первого взгляда становилось ясно, что ряды душевых рожков, тесно прижатые друг к другу, рассчитаны максимум на одновременное мытье трех-четырех сотен человек.

Войдя внутрь, Лу Цзюэ без тени смущения стянул верхнюю одежду и, оставшись в просторных черны-белых полосатых тюремных панталонах и разбитых тапочках, спокойно зашагал по помещению, где повсюду разгуливали обнаженные Альфы.

<http://bllate.org/book/21228/2147916>